

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА VI в. АГАФИЯ МИРИНЕЙСКОГО

Творчеству Агафия Миринейского, поэта и историка, уделялось немало внимания в византиноведческой литературе: к анализу его произведений не раз обращались видные ученые¹. Историческая достоверность труда Агафия выдержала строгую проверку данными других источников и была оценена достаточно высоко².

Агафия обычно изображали как одного из последних представителей античной историографии на византийской почве. Его мировоззрение, так же как и мировоззрение Прокопия, по установившемуся мнению, было проникнуто преклонением перед неувыдаемым очарованием греко-римской цивилизации и отличалось индифферентизмом в вопросах веры. Проводились аналогии при изучении трудов Агафия и Прокопия, и их мирозерцание сближалось³. Обоих этих историков считали продолжателями историографических традиций Геродота и Фукидида⁴. И казалось, мало что можно было изменить в том представлении об образе Агафия, которое прочно сложилось в науке.

И тем не менее за последние годы интерес исследователей к творчеству Агафия вновь значительно оживился. В византистике наших дней воз-

¹ W. S. Teuffel. Agathias von Myrine. — «Philologus», I. 1846, S. 495—511 (см. переработанное новое издание этого же произведения В. С. Тейффеля — W. S. Teuffel. Studien und Charakteristiken. Leipzig, 1871, S. 237—254); G. Franke. Quaestiones Agathianae. — «Breslauer Philologische Abhandlungen», 47. Trebnitz, 1914; N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. — Byz., 2, 1925, p. 241—244; М. В. Левченко. Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение. — ВВ, III, 1950, стр. 62—84; P. Lamm. Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo. Brescia, 1950; H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959.

² M. Iteß. Zur Bewertung des Agathias. — BZ, 26, 1926, S. 273—285. Оценивая достоверность сообщений Агафия о войнах в Лазике и Италии, автор приходит к выводу, что Агафий является главным источником своего времени и мало в чем уступает Прокопию. Ср. H. Eckhardt. Zur Charakteristik des Procop und Agathias als Quellen-schriftsteller für den Gothenkrieg, Programme. Königsberg, 1864; L. Dindorf. Bemerkungen zu Agathias. — «Jahrbücher für classische Philologie», 99, 1869, S. 457—465; J. Haury. Die letzten Ostgoten. — «Blätter für das bayerische Gymnasialschulwesen», 51, 1915, S. 18—20.

³ O. Veh. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Procop von Caesarea. — «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresberichte 1951/52 des Gymnasiums Christian-Ernestinum Bayreuth». Bayreuth, 1952; idem. Der Geschichtsschreiber Agathias von Myrine. — «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht 1952/1953 des Gymnasiums Christian-Ernestinum Bayreuth». Bayreuth, 1953.

⁴ G. Franke. Quaestiones Agathianae..., s. 87; Γ. Σπυρόπουλος. Κατὰ τιμίμειται Ἀγαθίας Ἡρόδοτον καὶ Προκόπιον. Diss. Athen, 1892.

ник спор о характере религиозно-политических взглядов этого византийского писателя. В ходе дискуссии возникли сакраментальные для всей византийской литературы раннего периода вопросы: был ли Агафий провозвестником нового мирозерцания или приверженцем старого? Выступал ли он как ортодоксальный христианин или втайне оставался верен религии своих отцов? Ученых по сей день волнует сложная дилемма: в какой мере христианская идеология коснулась мировоззрения Агафия — творца чарующих стихотворений в духе анакреонтической поэзии и последователя античной культуры. Или, быть может, христианское учение осталось чуждым его душе?

Итальянский филолог Сальваторе Констанца недавно выдвинул теорию, согласно которой Агафий был христианином православного вероисповедания. Традиции античной историографии, по его мнению, были переосмыслены Агафием в духе нового спиритуалистического христианского вероучения. Поэтому Агафий принадлежит уже христианской, а не античной греко-римской цивилизации ⁵.

Иоганнес Ирмшер, восточногерманский филолог и византист, выступил против столь прямолинейной «христианизации» мировоззрения Агафия. Полемизируя с С. Констанца, он подчеркивал, что скудость и стереотипность высказываний Агафия относительно христианства не позволяют прийти к столь категорическим выводам. По мнению И. Ирмшера, Агафий — человек, живший в переломную эпоху, отделяющую античность от средневековья, — сочетал в своем творчестве черты старого и нового мирозерцания ⁶. Весьма плодотворно, на наш взгляд, рассмотрение И. Ирмшером мировоззрения Агафия как отражения идеологических перемен, происходивших в византийском обществе VI в. ⁷

На первый взгляд, спор, разгоревшийся вокруг оценки мировоззрения Агафия, казался несколько неожиданным. Но по существу он был связан с самой жгучей проблемой истории всей ранневизантийской культуры — с осмыслением борьбы язычества и христианства в идеологической жизни общества. А споры по этому кардинальному вопросу волнуют историков и филологов наших дней и не сходят со страниц научной литературы ⁸. Делаются попытки дать сравнительный анализ религиозно-политических взглядов и отношения к христианству Аммиана Марцеллина, Малха Филадельфийца, Зосима, Менандра, Прокопия, Агафия и Феофилакты Симокатты, прослеживается употребление языческой и христианской терминологии в их исторических сочинениях ⁹.

Борьба между языческой и христианской идеологией выдвигается как один из основных вопросов в специальных исследованиях, посвященных

⁵ S. C o n s t a n z a. Orientamenti cristiani della storiografia di Agatia. — «Heli-con», 2, 1962, p. 96—111.

⁶ I. I r m s c h e r. Zur Weltanschauung des Agathias. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität Jena. Sonderheft, Tagung von allgemeine Religionsgeschichte», 1963. S. 47—53; i d e m. Über die Weltanschauung des Agathias. Methodische Vorfagen. — «Studia Artistica», IX, 1966, S. 63—68.

⁷ С подобных же методологических позиций И. Ирмшер освещает творчество и других византийских поэтов VI в. (I. I r m s c h e r. Die poetische Ekphrasis als Zeugnis Justinianischer Kulturpolitik. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität Jena, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe», Heft I, Jahrgang 14, 1965, S. 79—83.

⁸ A. M a m i g l i a n o. Pagan and Christian Historiography in the fourth century A. D., in: «The conflict between Paganism and Christianity in the fourth century» ed. A. Mamigliano. Oxford, Clarendon, 1963, p. 79—99.

⁹ A v e r i l a n d A l a n C a m e r o n. Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire. — «The Classical Quarterly», New Series, vol. XIV, N 2, 1964, p. 316—328. cр. A. P e r t u s i. L'attiggiamento spirituale della più antica storiografia bizantina. — «Aevum», XXX, 1956, p. 151 sq.

творчеству не только Агафия, но и Аммиана Марцеллина ¹⁰, Симмаха ¹¹. Зосима ¹², Прокопия ¹³, Феофилакта Симокатты ¹⁴.

Одновременно в византиноведческой науке происходит пересмотр проблемы континуитета, прямой генетической преемственности творчества ранневизантийских и античных авторов.

Так, например, зависимость Агафия от Геродота и Фукидида, по мнению некоторых современных исследователей, была менее значительной, чем предполагалось ранее ¹⁵.

Спорность многих вопросов, связанных с творчеством Агафия, заставила и нас вновь обратиться к изучению мировоззрения этого писателя. Однако мы хотим поставить проблему несколько в более широком аспекте, а не сводить ее только к борьбе язычества и христианства или преемственности античной культуры. Перед нами прежде всего встает вопрос: как историческая действительность Византии VI в. с ее лихорадочной, непримиримой социально-политической и религиозной борьбой отразилась в трудах Агафия? Каково было влияние религиозно-богословских споров того времени и формирование его историко-философских взглядов и этических представлений? Интересы каких социальных групп ранневизантийского общества в той или иной степени нашли выражение в творчестве Агафия?

Агафий был человеком двух призваний — поэтом и историком. В своем историческом труде, по его словам, он стремился соединить харит с музами ¹⁶. Будучи историком, он всегда оставался поэтом, а увлекаясь поэзией, он тянулся к истории. Эти два призвания наполняли и вместе с тем раздвигали его душу. Не мудрено, что в своем произведении он сравнивает поэзию и историю и пытается определить их значение. Поэзия, полагает Агафий, занятие священное и божественное. В ней, согласно учению Платона, души человеческие проникаются возвышенным восторгом и порождают поистине прекрасное, источающее прелесть муз и напоенное страстью. Вместе с тем поэзия для человека лишь удовольствие, развлечение. История же дело великое и серьезное. Прочную славу дает людям только история, только благодаря истории деяния смертных обретают божественное бессмертие. Память людская — преходяща и быстротечна. Замена ее — история. Люди не пожелали бы подвергаться

¹⁰ W. E n s s l i n. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. — «Klio», Beiheft XVI. Leipzig, 1923, S. 96—102; E. A. T h o m p s o n. The historical Work of Ammianus Macrellinus. Cambridge, 1947; Salvatore D'E l i a. Ammiano Marcellino e il Cristianesimo. — «Studi Romani», anno X, N 4, 1962, p. 372—390; Antonio S o l m i. Considerazioni circa Ammiano ed il Cristianesimo. — «Rivista di cultura classica e medioevale», anno VI, N 3, 1968, p. 224—261.

¹¹ F. P a s c h o u d. Reflexions sur l'idéal religieux de Symmaque. — «Historia», Bd. XIV, Heft 2, 1965, p. 215—236.

¹² Z e e P e t r e. La pensée historique de Zosime. — «Studi clasice», 7, 1965, p. 263—272.

¹³ G. D o w n e y. Paganism and Christianity in Procopius. — «Church History», XVIII, 1949, p. 91f.; Averil M. C a m e r o n. The «Scepticism» of Procopius. — «Historia», 15, 1966, p. 466—482. В последней работе, например, пересматривается сложившийся в науке взгляд о религиозном «скептицизме» Прокопия. На основании анализа всех высказываний Прокопия о христианстве и христианской церкви автор приходит к выводу, что христианское мировоззрение оказало на творчество Прокопия более сильное воздействие, чем думали раньше.

¹⁴ O. V e h. Untersuchungen zu dem byzantinischen Historiker Theophylactos Symokates. — «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht 1956/57 des Humanistischen Gymnasiums Fürth in Bayern», 1957.

¹⁵ A. M. C a m e r o n. Herodotus and Thucydides in Agathias. — BZ. 57, 1964, S. 33—52. Автор полемизирует с Г. Франком и на основе сравнительного анализа текста отдельных мест Геродота, Фукидида и Агафия приходит к заключению, что Франк преувеличил степень заимствования Агафия у этих авторов, хотя Агафий использовал их более интенсивно, чем других античных писателей.

¹⁶ A g a t h i a e M y r i n a e i Historiarum libri quinque, recensuit R. Keydell. — Corpus fontium historiae Byzantinae, vol. II. Berolini, 1967.

опасностям и переносить труды, если бы знали, что с их смертью умрет и их слава.

Полководец — побеждающий в войнах, зодчий — воздвигающий города, атлет — увенчанный лавровым венком на арене, воин — льющий кровь в сражениях, — все они охвачены страхом, что волны Стикса вместе с их жизнью поглотят и память о их делах. Этот страх исчезновения владеет душами людей, и только история дает им луч надежды. Недаром историю даровал людям «божественный промысел». История не только не ниже матери наук — философии, но, быть может, она приносит даже большую пользу. История — мудрый учитель, она учит людей, что делать и чего избегать. Муза Клио — неподкупный наставник, она незримо приобщает людей к добродетели. Историки, по мнению Агафия, — благодетели общества, они достойны всяческого удивления и прославления. История и поэзия — родные сестры, они близки друг другу и различаются только ритмом слов. История всегда должна быть наполнена красноречием и поэзией, она призвана и поучать и улаживать ¹⁷.

Вместе с тем историк не только рассказчик, но истолкователь фактов. На нем лежит трудная и почетная миссия — передать потомкам истинные события своего времени. Ведь основная цель истории — истина, и писать историю нужно прежде всего правдиво. Агафий обрушивается с едкими нападками на тех современных ему историков (правда, к сожалению, не называя их имен), которые позорят себя низкой лестью перед живущими правителями и порицанием уже умерших ¹⁸. Всегда прислуживаясь сильным и заботясь только о своей выгоде, подобные историки забывают, что их чрезмерные похвалы неприятны даже самим правителям, ибо «явная лесть не будет достаточной опорой их славы» ¹⁹.

Самого Агафия подвигли серьезно заняться историей не только советы друзей и внутреннее призвание, но и необычайные и важные события, свидетелем которых он стал. «В мое время, — пишет Агафий, — повсеместно и неожиданно вспыхнули великие войны, совершились переселения многих варварских народов, неожиданные завершения тайных и невероятных событий, беспорядочные капризы судьбы, гибель народов, порабощение городов, переселение жителей, и как будто весь род человеческий пришел в движение» ²⁰. Видя все это, Агафий решил бросить развлекаться сказками и пустыми баснями и начать писать серьезный труд, чтобы сохранить для потомства истинный ход исторических событий.

Сознавая высокий долг историка писать правду и только правду, Агафий мечтает всецело предаться этому благородному труду, однако повседневные заботы о заработке отвлекают его от любимого дела. Для создания исторического сочинения, с грустью говорит Агафий, нужна прежде всего свобода. Необходимо много работать, читать древних мудрецов и учиться у них, внимательно искать и сопоставлять исторические материалы, быть нелицеприятным во всем, и только тогда историк сможет написать правдивую историю своих дней ²¹.

Идея о том, что задача истории — истина, а назначение историка — служение этой истине, отнюдь не нова как в античной, так и в ранневизантийской историографии. Однако у Агафия, пожалуй, слова меньше

¹⁷ A g a t h., Hist., praefatio. А. Камерон подчеркивает, что в своем предисловии к «Истории» Агафий в известной мере использовал Диодора, Лукиана и Полибия (A. Cameron. Herodotus and Thucydides in Agathias..., p. 51—52). Столь же связано с античной традицией и предисловие к историческому труду Феофилакта Симокаты (Th. Nissen. Das Prooemium zu Theophylaktos Historien und die Sophistik. — BN Jbb., 15, 1939) S. 3—13.

¹⁸ A g a t h., Hist., praef.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid., praef.

²¹ Ibidem.

расходятся с делами, чем у других современных ему историков, в частности у Прокопия.

Агафий относился к созданию исторического труда с исключительной серьезностью. Он понимал всю трудность своей задачи и пытался заложить фундамент для объективного освещения фактов в тщательном подборе источников. В этом отношении Агафий был даже более добросовестным ученым, чем Прокопий. В отличие от Прокопия, собиравшего в своих произведениях (особенно, конечно, в «Тайной истории») всякие легенды и даже просто сплетни, Агафий очень внимателен к разысканию и критической проверке исторических материалов. В своем произведении он использовал много ценных документов, протоколы судебных процессов, рассказы военачальников, послов, купцов, переводчиков — отсюда достаточная жизненность и достоверность его повествования. Как известно, ему, например, удалось использовать персидские хроники, переведенные для него его другом переводчиком Сергием²².

Вместе с тем Агафий значительно менее, чем Прокопий, осведомлен во всех происходящих событиях. Его положение мелкого адвоката, скромного интеллигента не идет ни в какое сравнение, с положением Прокопия, крупного чиновника, вращавшегося в правительственных сферах. Если Прокопию были открыты многие, даже секретные, документы, если он имел доступ к тайным совещаниям у его патрона Велисария, смотрел на все события с высоты правительственных сфер, то кругозор Агафия, естественно, несравненно уже, он лично мало что видел и знал. Поэтому-то ему так необходимо было прибегать к помощи друзей при сборе материалов для своего исторического труда. Поэтому-то само написание этого сочинения было для него сопряжено с гораздо большими трудностями, чем для Прокопия.

Сравнивая исторические произведения Агафия и Прокопия, мы должны, конечно, отдать предпочтение осведомленности и широте знаний Прокопия, но признать большую объективность Агафия, продуманность и целеустремленность в подходе к теме своего повествования. Справедливо, однако, мнение тех ученых, которые полагали, что Агафий уступает Прокопию в таланте и в осведомленности в военных и гражданских делах²³. Но нельзя согласиться с утверждением, будто бы Агафий — певец любовных песен, был неспособен давать верные оценки историческим фактам, что поэтическое восприятие мира притупляло в нем свободу и остроту исторического взгляда, а фантазия и рефлексия затемняли достоверность рассказа.

Наоборот, нам думается, что мало у кого из византийских историков раннего периода можно найти столь продуманную, трезвую и прямо выраженную *позицию автора в оценке* происходящих событий, как у Агафия. Этот «оценочный момент» очень силен в его труде. Агафий прекрасно сознает, что историк обязан касаться разнообразных сторон жизни и пытаться дать объяснение тех или иных явлений, даже если это уводит его в сторону от основного направления его повествования. Историк должен, по словам Агафия, «...полезные деяния восхвалять, а бесполезные порицать, так как если исторические труды не станут включать этого с целью принести больше пользы человеческой жизни, но будут состоять из про-

²² A g a t h., Hist., IV, 30; I. S u o l a h t i. On the Persian Sources used by the byzantine Historian Agathias. — «Studia orientalia», XIII, 9. Helsinki, 1947; A. M. C a m e r o n. Zonaras, Syncellus and Agathias, a note. — «The classical Quarterly», New Series, vol. 14, N 1, 1964, p. 82—85. Автор этой статьи доказывает, что ценность известий Агафия о персидских царях была столь велика, что его труд послужил основным источником сообщений Синкелла и Зонары о персидских династиях.

²³ М. В. Л е в ч е н к о. Византийский историк Агафий и его мировоззрение. Приложение к русск. пер. труда Агафия. М. — Л., 1953, стр. 179—180.

стого пересказа событий, то они окажутся немногим лучше тех басен, которые рассказываются в гинекеях во время прядения шерсти»²⁴.

Недаром в произведении Агафия встречается так много личных оценок событий, нравственных и философско-этических рассуждений, экскурсов естественнонаучного характера, где автор также выражает свое мнение. Все это говорит о значительной самостоятельности мышления Агафия. Показательно, что в Византии труд Агафия пользовался большой известностью и его продолжатель Менаандр хвалебно отзывался об исторических знаниях своего предшественника²⁵. Историческое сочинение Агафия в свою очередь послужило источником для византийских историков и хронистов более позднего времени²⁶.

Вместе с тем надо отдать должное скромности нашего писателя. Он, например, считает себя чуть ли не невеждой по сравнению со своим блестяще эрудированным учителем Прокопием²⁷. Но, кстати сказать, преклонение перед Прокопием не мешает Агафию порою вступать в спор и опровергать мнение своего наставника²⁸.

Оселком, на котором проверялись политические взгляды писателей середины VI в., естественно, было их отношение к правлению императора Юстиниана. Историческое сочинение Агафия было написано уже после смерти Юстиниана. Теперь он мог смело и нелицеприятно выражать свое мнение о правлении покойного императора. Для критики правления Юстиниана ему не нужно было, как Прокопию, писать «Тайную историю». Напротив, при дворе Юстина II всякое порицание политики Юстиниана всемерно поощрялось. Историк мог надеяться на милости нового правителя, очернив старого.

Тем не менее Агафий старается по мере возможности быть объективным в оценке царствования Юстиниана. Историк воздает должное Юстиниану за его активную внешнюю политику. Агафию импонирует идея восстановления былого величия Римской империи, претворяемая в жизнь Юстинианом. В этой оценке завоевательной политики покойного правителя у Агафия звучат, с одной стороны, патриотические нотки, свойственные византийской интеллигенции, приверженной к традициям сильного Римского государства. С другой стороны, в качестве подтекста можно почувствовать порицание Юстина II за его тяжелые внешнеполитические неудачи.

Оценка Агафием правления Юстиниана в целом отличается недостаточной политической лояльностью. Историк видит в деятельности этого правителя как положительные, так и отрицательные черты. Достойна похвал, с точки зрения Агафия, внешняя политика этого императора в первый период его царствования. Для Агафия Юстиниан — первый из византийских государей, показавший себя как истинно римский император. Он провел величайшие победоносные войны на Западе и вернул под власть римлян Северную Африку, Сицилию, древний Рим и всю Италию²⁹. Агафий не сомневается в благодетельности византийского завоевания для западных стран и народов. Потерянные раньше провинции империи благо-

²⁴ A g a t h., Hist., I, 7.

²⁵ Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, fr. 7.

²⁶ М. Я. С ю з ю м о в. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы. — «Византийское обозрение», т. II, вып. 1. Юрьев, 1916, стр. 140—144. М. Я. Сюзюмов полагал, что Лев Диакон многое заимствовал у Агафия как по содержанию, так и по стилю, описанию бытовых деталей и подробностей обстановки.

²⁷ A g a t h., Hist., praef.

²⁸ A g a t h., Hist., IV, 26. Речь идет о споре Агафия с Прокопием по поводу оценки завещания императора Аркадия, по которому персидский шах назначался опекуном наследника Феодосия. Прокопий хвалит этот поступок, Агафий — порицает (A g a t h., Hist., IV, 28; *ibid.*, IV, 30). Расходились Агафий с Прокопием и по вопросам истории персов. Агафий отдает предпочтение персидским летописям в сравнении с трудом Прокопия.

²⁹ A g a t h., Hist., V, 14.

даря победам Юстиниана вновь украсились отечественными законами, а варвары приобщились к римской цивилизации.

Агафий верит в силу римского оружия, его увлекает описание не доблестей предков, а подвигов современников. Горделивое восхищение вызывает у него, например, победа византийцев в Италии над полчищами франков и аллеманов в кровопролитнейшем сражении на берегах Касилина, когда волны реки окрасились кровью варваров ³⁰.

Агафий выносит оправдательный вердикт внешней политике Юстиниана на Западе, поскольку он считает, что войны этого императора не сопровожались завоеванием и порабощением чужеземных народов, а велись для защиты владений римлян от грозного натиска варваров. В этом аспекте историк сравнивает их с борьбой греков за независимость и свободу против персов. В связи с этим автор высказывает свои общие суждения о войнах. Если цель войны столь возвышенна и справедлива, как защита родины и борьба за свободу, то воюющей стороне сопутствует счастье; если же они порождены жадной наживы, неблагоразумием и несправедливостью и несут с собой бедствия народам, то они губительны и для самих зачинщиков ³¹.

Подобная оценка войн Юстиниана на Западе особенно знаменательна, если учесть, что Агафию не чужды пацифистские идеи. Он ненавидит войны и с потрясающей ясностью видит их губительные последствия для народов. Для него войны — порождение зла, выражение самых низменных проявлений человеческой природы, а отнюдь не осуществление воли божества. «И божество, как я думаю, нельзя считать причиной убийств и сражений. Я и сам бы не сказал и не поверил никому, утверждающему, что высшее благо, изгоняющее всякое зло, радуется сражениям и войнам. Души людей добровольно впадают в корыстолюбие и несправедливость и наполняют все войнами и смятением, и отсюда происходят многие бедствия и гибель народов и порождаются бесчисленные другие несчастья» ³².

Прославляя победы византийского оружия на Западе, Агафий несколько по-иному оценивает войны Юстиниана в Лазике. Хотя и здесь он ищет оправдания войн Юстиниана в защите лазов от персов, но вместе с тем он сознает справедливость стремления туземных народов к независимости и губительность грабительской политики полководцев и чиновников империи ³³.

Итак, по мнению Агафия, просчеты Юстиниана в его внешней политике состояли отнюдь не в том, что он вел широкие завоевания на западе или защищал границы государства на востоке, а в том, что он не смог до конца осуществить свои грандиозные планы и полностью восстановить бывшее могущество Римской империи.

Отсюда во многом проистекает отрицательная оценка Агафием внутренней политики Юстиниана, особенно в конце его царствования. Последний период правления Юстиниана характеризуется общим упадком империи, вызванным тем, что император к этому времени состарился, фактически отошел от руководства государственными делами, перестал контролировать администрацию ³⁴. Агафий резко порицает правителя за неудачную внутреннюю политику этого времени, за грабежи чиновников как в самой Византии, так и в завоеванных странах. Историк отнюдь не скрывает пороков современного ему общества. Он, как и Прокопий, описывает

³⁰ A g a t h., Hist., II, 4—10.

³¹ Ibid., II, 10. М. В. Левченко, на наш взгляд, несколько модернизирует взгляды Агафия на характер войн Юстиниана и приписывает ему современное нам представление о войнах «справедливых и несправедливых» (М. В. Л е в ч е н к о. Агафий и его мировоззрение, в кн.: А г а ф и й. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 188—189).

³² A g a t h., Hist., I, 1.

³³ Ibid., III, 2—8; IV, 13—23.

³⁴ Ibid., V, 14.

бесчинства византийской администрации, например, в Лазике ³⁵, показывает развал византийской армии, разложение, царящее среди полководцев, ограбление населения ³⁶. Он сурово критикует самого Юстиниана за то, что император позорно наживался на спекуляциях в Лазике, не обращая внимания на жалобы населения ³⁷.

Однако критика внутренней политики Юстиниана, хотя она и поощрялась новым правительством Юстина II, который хотел переложить на своего предшественника всю ответственность за ослабление империи, у Агафий не приобрела столь желчного характера, как у Прокопия. В ней нет той слепой злобы, той личной ненависти против Юстиниана, которыми проникнута «Тайная история».

В противоположность Прокопию, Агафий критикует скорее дурных правителей вообще, а не правительство Юстиниана и его клики в особенности. Выходец из среды небогатых, но образованных людей византийского общества, Агафий, несмотря на свои материальные затруднения, лично не пострадал в правление Юстиниана. Поэтому в его труде отсутствуют пристрастные выпады против Юстиниана и его полководцев. Агафий далеко стоял от трона, его меньше волновали придворные интриги и столкновения политических партий. Он более спокоен, сдержан в освещении царствования Юстиниана, чем Прокопий, захваченный потоком придворной борьбы. Большая умеренность критики Агафий, по-видимому, объясняется тем, что он отражал идеологию тех кругов византийской интеллигенции, интересы которых в меньшей степени были ущемлены при Юстиниане, чем интересы сенаторского сословия, рупором которого выступал, как известно, Прокопий. Византийской интеллигенции, конечно, не нравились такие мероприятия Юстиниана, как закрытие некоторых центров образованности, например, Афинской школы философов ³⁸. Но вместе с тем она не пострадала, как сенаторы, от земельных конфискации Юстиниана. Те социальные круги, к которым принадлежал Агафий, имели меньше реальных счетов с правительством Юстиниана, чем оттесненная от власти старая римская аристократия. В то же время их римский патриотизм находил удовлетворение в политической программе восстановления империи, а некоторые реформы Юстиниана, в частности установление жалования от государства профессорам и риторам, должны были им весьма импонировать.

В сочинении Агафий встречаются политические высказывания более радикальные, идеи более передовые, чем у Прокопия. Если Прокопий далек от критики самого социального строя империи VI в., очень консервативен и лоялен, то у Агафий порою звучат более демократические нотки. Политический идеал государства Агафий более прогрессивен, чем идеал Прокопия. В общественной жизни превыше всего Агафий ставит *свободу*. Правда, он понимает под ней свободу для избранных, особо одаренных творческих личностей. Идеальный образ правителя для Агафий — это мудрец философ на троне, заботящийся о всеобщем благе ³⁹. Государство должно управляться достойными людьми, мудрецами ⁴⁰. Чрезвычайно опасно, по мнению Агафий, давать титул царя тому, кто его совершенно не заслужил ⁴¹. Политический деятель или мудрец, стремящийся к свободе, думает всегда не только о себе, но прежде всего об общем благе государства. Не могут в жизни быть соединены подлость и общая польза, жесто-

³⁵ Agath., Hist., IV, 21—22.

³⁶ Ibid., V, 14.

³⁷ Ibid., III, 9. О состоянии византийской армии по данным Прокопия и Агафий см. A. Müller. Das Heer Justinians (nach Procop und Agathias). — «Philologus», LXXI, 1912, S. 101—138.

³⁸ Agath., Hist., II, 30.

³⁹ I. Straub. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Diss. Berlin, 1938.

⁴⁰ Agath., Hist., II, 30; V, 20.

⁴¹ Ibid., IV, 7.

кость и правосудие. Для правителей и их приближенных особенно опасны заносчивость и зависть. Гордыня губит не только государей, но и тех, кто им угождает. Зависть и вражда — самые ужасные пороки, уничтожающие все лучшее на свете ⁴². Большой ущерб государству наносится и тогда, когда правители не награждают лучшие умы как за их военные подвиги и мирные деяния, так и за их личные дарования ⁴³.

Классической моделью наилучшего государственного устройства, как признает Агафий, служит государство Платона, где «философия и царство объединяются в одно целое» ⁴⁴.

Агафий очень высоко ставит труд ученого. Он особо подчеркивает, что царский двор, обстановка лести, окружающая престол царей, отнюдь не способствуют занятию науками, и ученым надлежит искать покоя и уединения ⁴⁵. Превыше всего Агафий ценит античную науку и особенно философию. По его мнению, это вершина человеческого мысли. Агафий всячески прославляет греческих философов, бежавших после закрытия Юстинианом Афинской философской школы в Иран; по его мнению, это великие мудрецы, цвет философов, а их мудрость основана на изучении античных образцов ⁴⁶.

Агафий, однако, восхваляет не только ученых прошлого, но и своих современников. Такие великие ученые VI в., как Анфимий из Тралл, по его словам, заслуживают бессмертной славы ⁴⁷. Ученые, писатели, художники нужны государству не менее, чем полководцы. Ярый защитник истинной науки и подлинного вдохновенного искусства, Агафий жалуется на то, что правители государства часто недооценивают исключительной роли ученых и художников. Со всем пылом личной страстной убежденности он обрушивается на лженауку и ядовито высмеивает лжемудрецов, подобных Уранию ⁴⁸.

В прославлении Агафием значения науки и высокой миссии ученого в государственной жизни нашли свое выражение политические настроения образованной части византийского общества, воспитанного во многом на традициях античной цивилизации. Вместе с тем панегирик Агафия в честь истинной науки окрашен в столь ярко полемические тона, что показывает личную заинтересованность автора в этом вопросе и озабоченность его судьбами интеллигенции в византийском государстве.

По своим социально-политическим взглядам Агафий несколько более демократичен, чем Прокопий. У Прокопия никогда не встретишь осуждения поведения высшей знати как социальной группировки, а можно найти лишь критику отдельных приверженцев правительства Юстиниана. У Агафия, наоборот, открыто звучит порицание разбогатевшей знати (динатов) как определенной социальной категории. Он откровенно осуждает позорные деяния константинопольской знати. Лишь великий страх «божьей кары» в связи с разрушительным землетрясением, постигшим столицу, заставил богачей временно вернуться на стезю добродетели. Но как только страх прошел, динаты перестали совершать добрые дела и возвратились к прежнему, далеко не праведному образу жизни ⁴⁹.

Агафий сообщает о ненависти народа к знатному вельможе Анатолию, порожденной его несправедливыми делами и захватом чужой собственно

⁴² Ibid., V, 20.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid., II, 30.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid., II, 30. Такие ученые, как Дамаский-сириец, Симплиций-киликянин, Евлакий-фригиец, Прискиан-лидиец, Гермий и Диоген, финикияне, Исидор из Газы, представляли, как говорит Агафий, выражаясь поэтическим языком, «цвет и вершину всех занимающихся философией в наше время» (ibid., II, 30).

⁴⁷ Ibid., V, 6—9.

⁴⁸ Ibid., II, 29—32.

⁴⁹ Ibid., V, 5.

сти. «Но были и другие очень многие в городе, ему подобные, даже более несправедливые...» — добавляет при этом историк ⁵⁰.

В другом месте своего исторического повествования Агафий поднимается до обобщения социального характера, указывая, что у персов богатые притесняли бедных ⁵¹.

Агафий, почти так же, как Прокопий, высокомерен по отношению к народным массам. Однако это презрение не аристократа по крови, по рождению, а аристократа духа, заносчивость человека образованного перед простой, невежественной толпой, которая неспособна к «высокому творчеству» и удел которой — суеверие и темнота. Толпа, по словам Агафия, склонна верить всяким нелепым предсказаниям обманщиков-прорицателей, особенно в годину народных бедствий ⁵². «Чернь» всегда легковерна и быстро возбуждима, что зачастую приводит к мятежам. Агафий резко выступает против народных восстаний, волнений, связанных с борьбой цирковых партий. Он полагает, что цирковые ристания и увлечение борьбой «цветов» развращают юношество. Агафий предлагает изменить воспитание молодежи: по его мнению, для юношей необходимо идти на военную службу, воспитывать в себе доблесть и мужество, а не растрачивать попусту силы в конных ристаниях, в борьбе димов и партий цирка ⁵³. Историк осуждает Юстиниана за то, что в его правление «...Большая часть средств, предназначенных для войска, разбрасывалась бесцельным женщинам, возницам цирка и людям, мало пригодным для полезных дел, но зато преданным удовольствиям, занимающимся с каким-то безумным усердием и дерзостью только внутренними смутами и цирковыми спорами...» ⁵⁴.

По мнению Агафия, «...Толпа не привыкла здраво взвешивать, и она легко впадает в праздность и обо всем судит по тому, что ей приятно и желательно» ⁵⁵. Народу, толпе Агафий всегда противопоставляет избранных людей. Но это не то противопоставление украшенной знатностью и богатством родовитой аристократии безродному и нищему демосу, какое встречается у Прокопия. Это возвеличивание над толпой людей, выдающихся своими личными талантами и другими высокими человеческими качествами — мудростью, справедливостью, доблестью. Это высокомерное противопоставление ума и таланта — невежеству и легковерию.

Агафий порицает правительство за недооценку заслуг талантливых людей, говорит о зависти правителей к выдающимся личностям ⁵⁶.

В этом звучит индивидуализм Агафия, его неверие в творческие возможности народа. Он поднимает высоко над народом философов, поэтов, художников как избранную касту аристократов мысли и духа. Подобное противопоставление народа и интеллигенции, так свойственное античному миру, нашло отражение и в мировоззрении Агафия.

Агафий, однако, значительно в меньшей степени, чем Прокопий, склонен к консерватизму как в политике, так и в искусстве. Агафий считает, что в политических делах лучше придерживаться старого порядка вещей, но иногда необходимо маневрировать, приспособляться к изменяющимся обстоятельствам и в случае нужды не цепляться за старое, а переходить к новому. «Когда же случается то, чем нельзя пренебрегать и что не подобает отбрасывать, то преступником оказыва-

⁵⁰ A g a t h., Hist., II, 30.

⁵¹ Ibid., V, 4.

⁵² Ibid., V, 5.

⁵³ A g a t h., Hist., V, 21. Хочется отметить, что за последнее время вновь возрос интерес ученых к проблеме борьбы димов и цирковых партий в Византии. Американский ученый Сп. Врионис сделал попытку сближения народных организаций в византийских и арабских городах в период возникновения ислама (Sp. V r y o n i s. Byzantine Circus Factions and Islamic Fātūwwa Organizations. — BZ, 58, 1, 1965, S. 46—60).

⁵⁴ A g a t h., Hist., V, 14.

⁵⁵ Ibid., II, 11.

⁵⁶ Ibid., V, 20.

ется скорее тот, кто держится за старое и в этом упорствует, чем тот, кто переходит к новому»⁵⁷.

Но определить, надо ли держаться за старое или переходить к новому, могут только мудрые правители, а отнюдь не народные массы. Склонность же черни к каким-либо новшествам не встречает поддержки у Агафия, более того, он сетует на то, что «... вообще свойственно и врожденно толпе стремиться к новизне и радоваться переменам»⁵⁸.

Таким образом, Агафий не сторонник консервативной политики во что бы то ни стало, но считает, что проведение реформ является прерогативой лишь мудрых правителей, действующих на благо государства.

По своим философским взглядам Агафий не примыкал к какой-либо определенной школе античной философии. Как и Прокопий, Агафий испытал на себе влияние и учения Платона⁵⁹ и идей философов-скептиков⁶⁰. Агафий хорошо знал и ценил Аристотеля и многих других греческих философов. В философском миропонимании Агафия, как и у Прокопия, имеются некоторые черты агностицизма. Агафий считает, что человеку не дано в этом мире познать до конца сущность вещей⁶¹. Это распространяется как на явления природы, так и в первую очередь на познание божества. Субстанция божества непостижима разумом человека. О божестве, по мнению Агафия, можно «знать только то, что оно непознаваемо»⁶². Как и Прокопий, Агафий высмеивает пустые споры «черни», необразованных людей о природе божества. Но агностицизм у Агафия менее ярко выражен, чем у Прокопия. По мнению Агафия, человек обязан изучать явления природы, хотя познать до конца их и невозможно, ибо все создано божественным разумом и высшей волей⁶³.

У Агафия чувствуется явное тяготение к пантеизму. Если Прокопий — фаталист, верит в безусловную и грозную силу рока, божества, которое слепо, капризно действует по неведомому произволу и намерения которого не могут быть разгаданы людьми, то Агафий более оптимистичен. Верховное божество — «высшее благо» по Агафию, обладает совершенным знанием, абсолютным разумом, волей, и хотя его деятельность непостижима для смертного, она — разумна и целесообразна⁶⁴. Агафий признает, что воля божества проникает во все сферы человеческой жизни, пронизывает всю окружающую человека природу. В большинстве случаев «божественный промысел» справедлив к человеку. Так, кара верховного правосудия постигает людей за совершенное ими зло. Он признает, что поражения в войнах, которые терпят люди, большей частью являются результатом их собственной «неправды», их дурных поступков. Агафий приводит многочисленные примеры этому⁶⁵.

⁵⁷ Ibid., III, 10.

⁵⁸ Ibid., III, 11.

⁵⁹ Ibid., V, 4.

⁶⁰ Ibid., II, 29.

⁶¹ Ibid., II, 15.

⁶² Ibid., II, 29.

⁶³ Ibid., II, 15. «... Каким образом можно до конца познать неизвестное и превышающее наше понимание? Пусть будет достаточно для нас знать только то, что все создано божественным разумом и высшей волей. Наблюдение же и изучение разумом (человеческим. — З. У.) начала и движения природы и причины отдельных явлений нельзя считать бесполезным и бесплодным. Думать же и уверять себя, что можно постигнуть сущность вещей, было бы самоуверенностью и невежеством, вдвое более пагубным, чем незнание».

⁶⁴ Ibid., I, 1.

⁶⁵ Так, например, в греко-персидских войнах греки сражались за свободу и победили, а Ксеркс хотел поработить тех, кто не нанес ему никакой обиды, и потерпел поражение (A g a t h., Hist., II, 10). Такой же приговор высшего суда был вынесен грекам во время их несправедливой Сицилийской экспедиции (ibidem) и Левтарису и Бутилину за их вторжение в Италию (ibid., II, 9; II, 3). Византийские войска потерпели поражение в Лазике в наказание за коварное убийство царя лазов Губаза (ibid., III, 8) и многое другое.

Вместе с тем Агафий принужден признать, что божественное возмездие все же далеко не всегда наказывает истинных грешников и многие из них при жизни ускользают от заслуженной кары ⁶⁶.

Историка постоянно волнует «вечный» и неразрешимый вопрос о воздаянии человеку после смерти за его греховную или праведную жизнь. Порою он склоняется к учению Платона, что более несчастлив тот, кто умрет, не искупив грехов насильственной смертью или другой карой. Они уйдут из жизни, «как рабы, заклеянные клеймом преступлений, прежде чем те будут искуплены» ⁶⁷. Долгая и беззаботная жизнь — еще не доказательство справедливости человека, а жестокая смерть — не подтверждение его пороков. Агафий считает желательным, чтобы в дидактических целях это учение Платона было внедрено в души людей. Вместе с тем Агафий не верит в возможность при жизни человека до конца разрешить этот вопрос. «Но истинным образом, — пишет автор, — мы узнаем, каково воздаяние и награда за эту жизнь, когда придем туда» ⁶⁸⁻⁷⁰.

В отличие от Прокопия, Агафий более склонен к философскому рационализму. Он признает силу человеческого разума и высоко ее ценит. Труд его пестрит сентенциями о значении разума в жизни человека и общества. Разум, а не физическая сила, дарует человеку победу над врагами ⁷¹. «Несчастья, происходящие от какой-либо случайности или ошибки, могут быть исправлены правильным решением разума, которое помогает приспособиться к обстоятельствам и исправлять ошибки» ⁷². Действия, лишённые благоразумия, не храбрость, а безрассудство ⁷³. Обдумывание дела не показатель нерешительности, а свидетельство достоинства и уверенности» ⁷⁴. «Благоразумие, — заключает автор, — безусловное и неоспоримое благо» ⁷⁵, «Ибо свойство безрассудных — постоянно волноваться и терзаться прошедшим. Свойство же мужей мудрых — изучать неожиданности судьбы, не смущаться внезапными переменами, с тем чтобы, лишившись чего-либо в прошлом, не утратить надежду на будущее» ⁷⁶⁻⁷⁷.

Агафий фактически выступает против слепого фатализма, беспощадно высмеивает суеверие толпы, хотя и соглашается с тем, что в мире существует высшая трансцендентная необходимость. Появляющихся в годину народных бедствий гадателей, толкователей снов и прорицателей Агафий называет обманщиками, их предсказания о конце мира сеют в народе панику и вредны для общества. Агафий призывает наказывать за святотатство подобных толкователей снов «... не оставляющих для бога никакого более глубокого знания будущего» ⁷⁸.

Агафий выдвигает важный тезис о свободе человеческой воли, которая может и должна сыграть известную роль в истории человечества. Так, рассказывая о неизбежности войн в мировой истории, Агафий приходит к выводу, что «...причиной войн, полагаю, не являются, как говорят многие, движение звезд или судьба и противный разуму рок. Если бы предначертанное судьбой торжествовало во всем, то была бы отнята у людей свободная воля и право выбора и мы считали бы напрасными и бесполезными всякое наставление, искусства и обучение: оказались бы пустыми и бесплодными надежды людей, ведущих достойный образ жизни» ⁷⁹.

⁶⁶ A g a t h., Hist., V, 3—4.

⁶⁷ Ibid., V, 4.

⁶⁸⁻⁷⁰ Ibid., V, 4.

⁷¹ Ibid., V, 17.

⁷² Ibidem.

⁷³ Ibid., V, 18.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶⁻⁷⁷ Ibid., III, 11.

⁷⁸ Ibid., V, 5. Cp. ibid., V, 10.

⁷⁹ Ibid., I, 1.

В вопросах этики, морали, нравственности Агафий значительно оптимистичнее своего прославленного предшественника Прокопия. В отличие от последнего, Агафий видит в человеческой природе не только одни дурные черты, но и хорошие ее проявления — доброту, милосердие, честность, мужество, благородство. Правда, как и его младший современник историк Менаандр, Агафий признает относительность моральных норм ⁸⁰.

Агафий осуждает и не скрывает отрицательные стороны человеческой природы. Он подчеркивает, что люди сами большей частью не замечают своих пороков, и в связи с этим «тех, кто похож на нас, мы любим, а кто нас превосходит — чуждаемся» ⁸¹.

Агафий порицает лукавые и лживые нравы византийцев, их стремление обмануть легковверные варварские народы, трусость византийских воинов. Так, например, он возмущается бессмысленной жестокостью византийских солдат, беспощадно, без всякой нужды, перебивших невинных женщин и детей из побежденного ими племени мисимиян ⁸².

Вместе с тем как поэтическое творчество Агафия, так и его исторический труд проникнуты светлым, жизнеутверждающим античным мирозерцанием.

Более оптимистическое, чем у Прокопия, восприятие жизни, преклонение перед ее земными радостями, воспевание земной красоты, природы, поэзии, любви к женщинам, вину и веселью — вот жизненное кредо Агафия-поэта, которое в известной степени отразилось и в его историческом произведении ⁸³. И здесь можно почувствовать стремление автора уйти от тягот жизни и пороков современного общества или в прекрасный мир красоты и радости, или подняться к сверкающим вершинам чистой науки. Агафий внутренне против аскетизма, умерщвления плоти.

Античная философия и античное мирозерцание помогают Агафию преодолеть свойственный человеку страх смерти, но не через христианское учение о бессмертии души, а через наслаждения земной жизнью. Отсюда его холодное отношение к аскетическим идеалам и презрение ко всякого рода суевериям.

Исторический труд Агафия, так же как и сочинения Прокопия и других византийских авторов VI в., полон античных реминисценций. Агафий, пожалуй, даже более, чем Прокопий, начитан в классической литературе. Агафий хорошо знает и глубоко почитает многих античных писателей, как греческих, так и латинских.

В этом отношении можно согласиться с оценкой Агафия как кабинетного ученого, в противовес Прокопию — политику ⁸⁴.

Вместе с тем, ценя античные культурные традиции, сам Агафий предостерегает своих собратьев по перу от излишнего увлечения античными мифами и от легковверного отношения к ним. Так, например, приведя в своем труде легенду о соревновании Аполлона и Марсия, Агафий делает вывод, что подобные рассказы не что иное, как сказки — забава поэтов, не таящие в себе ничего ценного и правдоподобного для ученого-историка ⁸⁵.

⁸⁰ М. В. Левченко. Византийский историк Агафий и его мировоззрение..., стр. 189; H. Drexler. Die moralische Geschichtsauffassung der Römer. — «Gymnasium». 61 (1954).

⁸¹ A g a t h., Hist., II, 32.

⁸² Ibid., IV, 19. «Было захвачено, — пишет Агафий, — много блуждающих детей, ищущих своих матерей. Из них одних умерщвляли, жестоко разбивая о камни. Другие же, как бы для забавы подбрасываемые высоко и затем падающие вниз, принимались на подставленные копья и пронзались ими в воздухе» (ibid., IV, 19).

⁸³ М. В. Левченко. Византийский историк Агафий и его мировоззрение..., стр. 184—187. Cp. F. Döglеr. Die byzantinische Dichtung in der Reinsprache. Berlin, 1948.

⁸⁴ М. В. Левченко. Византийский историк Агафий и его мировоззрение..., стр. 189.

⁸⁵ A g a t h., Hist., IV, 23.

Для добросовестного историка необходимо прежде всего правильно наблюдать жизнь и изучать древнейшие события, а не увлекаться поэтическими вымыслами. Агафий при этом упоминает поэта Нонна из Египта, который излишне доверял древним мифам. Современные Агафию поэты, сетует автор, рабски подражают древним и без критической проверки повторяют их легенды ⁸⁶.

Приверженность к античной культуре, естественно, наложила свой отпечаток и на религиозные взгляды Агафия. На религиозные представления Агафия, думается, оказала влияние неоплатоническая философия. В его историческом сочинении встречаются упоминания о верховном божестве как высшем благе, искореняющем зло, близкие к неоплатоническим представлениям о божестве ⁸⁷. Агафий наделяет бога высшим разумом и знанием будущего ⁸⁸. Агафий готов принять учение Платона о воздаянии людям за их дела. Он даже ратует за распространение этого учения ⁸⁹.

Но вместе с тем у нас нет данных о явных или тайных симпатиях Агафия к языческой эллино-римской религии. Историк всегда четко противопоставляет христианству языческую религию эллинов ⁹⁰, зороастризм и учение магов ⁹¹, а также примитивные языческие верования варваров ⁹². Агафий отнюдь не поклонник языческого культа и порицает обрядность не только варваров, но и эллинов, особенно кровавые жертвоприношения. «Не знаю, — пишет автор, — можно ли словами прекратить безумие и жестокость жертвоприношений, совершаемых в священных рощах, как это делается у варваров, или в честь тех богов, каких хочет иметь обрядность эллинов» ⁹³. Вызывают отвращение Агафия и жестокие религиозные обычаи персов ⁹⁴.

Агафий дает глубокое толкование правой христианской веры, которая должна выражаться отнюдь не во временных проявлениях благочестия и благотворительности, а в постоянной добродетели.

Во время землетрясения, по рассказу Агафия, жители столицы, охваченные ужасом, предались постоянным молениям в храмах, а «начальники, отказавшись от наживы, судили по законам, и прочие динаты, живя скромно и тихо, придерживались правды и справедливости и воздерживались от позорных деяний» ⁹⁵. Некоторые из них обратились к жизни анахоретов, другие занялись благотворительностью, делая богатые пожертвования храмам и в пользу бедных. Но как только страх прошел и бедствие окончилось, богачи вновь зажили несправедливой жизнью. Автор подобные действия динатов называет позорным торгом и обманом с целью избежать грозящей беды, а не истинной справедливостью и благочестием, «которое обычно создается правой верой» ⁹⁶.

Агафий осуждает осквернение христианских храмов и святынь и верит в божью кару за святотатство ⁹⁷ и безбожие ⁹⁸. Агафий верит и в бо-

⁸⁶ Agath., Hist., IV, 23. О творчестве Нонна и других поэтов этого времени см. A. Cameron. *Wandering Poets: A Literary Movement in Byzantine Egypt*. — «Historia», XIV. Bd., Heft 4, 1965, p. 470—509.

⁸⁷ Ibid., I, 1.

⁸⁸ Ibid., V, 5.

⁸⁹ Ibid., V, 4.

⁹⁰ Ibid., I, 7; II, 25.

⁹¹ Ibid., I, 7; II, 24.

⁹² Ibid., I, 7.

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ Ibid., I, 7; II, 23—24.

⁹⁵ Ibid., V, 5.

⁹⁶ Ibidem.

⁹⁷ Ibid., II, 1.

⁹⁸ Ibid., II, 6.

жественную помощь в награду за благочестие и добрые дела⁹⁹, а также в наказание «божественного промысла» за преступления¹⁰⁰.

Историк с уважением относится к христианским храмам¹⁰¹, особенно восхваляет блеск и красоту св. Софии¹⁰², с почтением отзываясь о благочестии монахов¹⁰³, подчеркивает святость церковных убежищ и веру в их спасительную силу среди простого народа¹⁰⁴.

Агафий считает, что «самое нечестивое дело отказаться от истинной религии и священных тайн»¹⁰⁵. Он признает христианство сильным оружием в руках византийского правительства для расширения влияния Византийской империи на соседние языческие варварские народы. Так, Агафий весьма положительно относится к принятию христианства франками. Он хвалит франков за их приверженность к христианской религии и считает, что христианство должно распространиться и на язычников-аллеманов¹⁰⁶.

Вместе с тем Агафий, горячий сторонник политики полной веротерпимости. Христианство должно распространяться отнюдь не силой, а только лишь убеждением¹⁰⁷.

Осуждая языческие жертвоприношения и другие кровавые обряды аллеманнов, автор, однако, подчеркивает, что «...Безрассудство и безумие подобных верований, я полагаю, сознается даже теми, кто их придерживается, если только они не совершенно глупы, и легко может быть устранено. Уклоняющиеся от истины заслуживают скорее сострадания, чем гнева»¹⁰⁸.

Агафий решительно выступает против не только насильственного обращения варваров в христианство, но и против всяческих гонений на еретиков и язычников. Тем самым Агафий предстает перед нами смелым противником какой-либо религиозной нетерпимости и исключительности. Он признает, что нет прочного товарищества между теми, кто придерживается различных религиозных верований. «При отсутствии застрачивания и выгоды постоянная и прочная верность сохраняется только при согласии взглядов»¹⁰⁹. Тем самым Агафий показывает свое уважение к религиозным верованиям людей, к их искренним религиозным убеждениям, к их твердости в отстаивании своей веры. Отнюдь нельзя, по мнению Агафия, принуждать кого-либо вопреки его совести принимать чуждые ему религиозные воззрения¹¹⁰. Агафий, хотя и осуждает противостоящие христианству религии, в частности религию персов, но одновременно пытается найти объяснение возникновения подобных верований в исторических условиях жизни персов, в частых завоеваниях, династических переворотах и т. п.¹¹ Таким образом, он не просто отбрасывает прочь иные религии, не обрушивается на них с одними лишь нападкамии, а пытается исторически, научно осмыслить причины появления той или иной религиозной системы.

⁹⁹ Ibid., V, 17.

¹⁰⁰ Ibid., III, 8.

¹⁰¹ Ibid., II, 1; III, 5; V, 14.

¹⁰² Ibid., V, 9. См. А. М. С а м е р о н. Procopius and the Church of St. Sophie. — «Harvard Theological Review», 58 (1965), p. 161—163.

¹⁰³ A g a t h., Hist., V, 13.

¹⁰⁴ Ibid., V, 3.

¹⁰⁵ Ibid., III, 12.

¹⁰⁶ Ibid., I, 7.

¹⁰⁷ Ibidem.

¹⁰⁸ Ibid., I, 7. «Не добровольно они ошибаются, — продолжает автор, — и впадают [в нечестие], но стремясь к добру, а затем, введенные в заблуждение какой-нибудь идеей, упорно держатся усвоенных взглядов, какого бы рода они ни были?» Далее Агафий осуждает не только кровавые обычаи варваров, но и подобные же жертвоприношения, связанные с религией эллинов (ibid., I, 7).

¹⁰⁹ Ibid., III, 12; ср. ibid., II, 18.

¹¹⁰ Ibid., II, 30.

¹¹¹ Ibid., II, 23—25.

Итак, в религиозных взглядах Агафия отразилась известная двойственность его мировоззрения. Агафий был христианин, но прочно впитавший античное мироощущение, сохранивший многие представления греческой философии, особенно неоплатонизма ¹¹². Это отнюдь не противоречило настроениям образованной интеллигенции, которая стремилась и в то время весьма активно поставить неоплатонизм на службу христианству.

Вместе с тем религиозные воззрения Агафия отличаются широкой веротерпимостью, далеки от христианской исключительности и фанатизма. Ему чужды христианское благочестие, религиозная экзальтация церковных авторов, он очень далек от догматических споров и церковных вопросов.

Для мировоззрения Агафия весьма показательным его вдумчивое и проникнутое чувством собственного достоинства отношение к варварскому миру ¹¹³. Агафию чужда римская исключительность. В отличие от Прокопия, Агафий относится к варварам с гораздо большей доброжелательностью, у него нет того презрения истого римлянина к грубым варварам, какое сквозит в трудах Прокопия. Он значительно более, чем Прокопий, терпим к соседним с империей племенам и народам.

Так, например, Агафий хотя и осуждает нравы персов, но признает их право следовать своим обычаям ¹¹⁴. Он проявляет большую широту взглядов, не всегда свойственную даже античным писателям, признавая, что люди всегда могут найти оправдание своим нравам и законам и имеют право считать их лучшими, чем у других народов ¹¹⁵. Тем самым Агафий поднимается над узкой римской замкнутостью, над римским «национализмом» до общечеловеческого понимания особенностей образа жизни различных народов.

Агафий без какой-либо недоброжелательности говорит о могуществе и высокой культуре лагов. Он пишет: «Лаги — народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают, и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного изытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямою нравов» ¹¹⁶.

В противовес Прокопию, Агафий порою даже идеализирует образ жизни некоторых варварских народов. Особенно ярко это проявляется при описании нравов и обычаев франков. В историческом сочинении Агафия дается интереснейший экскурс об общественном строе франков, написанный во многом в том же духе, как знаменитая «Германия» Тацита ¹¹⁷. Агафий положительно оценивает общественные отношения у франков, подобно тому как некогда это же делал Тацит в отношении древних германцев. Мне думается, что Агафий восхваляет социально-политический строй франков с той же политической и дидактической целью, как и Та-

¹¹² Любопытно, что Агафий достаточно благожелателен к императору Юлиану Отступнику и резко осуждает его преемника Иовиана (A g a t h., Hist., IV, 25); A. M. C a m e r o n. Agathias and Cedrenus on Julian. — «The Journal of Roman Studies», 53 (1963), p. 91—94; G. D a w n e y. Julian and Justinian and the Unity of Faith and Culture. — «Church History», 28 (1959).

¹¹³ P. C o u r c e l l e. Histoire littéraire des grandes invasions germanique. Paris, Etudes Augustiniennes, 1964.

¹¹⁴ A g a t h., Hist., II, 23.

¹¹⁵ Ibidem. Агафий достаточно терпим к религии персов, но осуждает их за кровосмесительные браки и обычай похорон, когда покойников оставляли на растерзание диким зверям и птицам (ibid., II, 23—25).

¹¹⁶ Ibid., III, 5.

¹¹⁷ K. C h r i s t. Germanendarstellung und Zeitverständnis bei Tacitus. — «Historia», XIV Bd., Heft 1 (1965), S. 62—74.

цит, чтобы похвала варварам звучала как порицание пороков современного автору византийского общества.

Так, Агафий, утверждает, что франки весьма благопристойны и культурны и ничем не отличаются от византийцев, кроме варварской одежды и языка. Но вместе с тем Агафий (конечно, совершенно ошибочно) стремится доказать, что у франкских племен царит единство и внутренний мир ¹¹⁸, чего как раз так недостает Византийской империи.

Агафий рисует поверхностную, тенденциозную картину внутренних взаимоотношений в государстве франков, столь противоречащую тому, что мы знаем о них из труда Григория Турского и других западных хронистов. Он с похвалой отзывается об обычаях т. наз. мартовских полей у франков, восхищается дружескими отношениями между братьями — правителями франков, которые по мирному соглашению делят между собой страну и якобы не стремятся к высшей власти. В общественном строе этих варваров Агафию особенно импонируют следующие явления: подданные франкских королей, по Агафию, склонны к справедливости и любят свою родину, а вожди в нужных случаях благожелательны и доступны убеждению. В государстве якобы царит справедливость и согласие, что делает его неуязвимым для внешних врагов. Споры решаются больше на основании права, а не силы. Несмотря на то, что государство делится между двумя или даже тремя правителями, они не начинают между собой войн и «не оскверняют отечество кровью сограждан» ¹¹⁹. Идиллия, нарисованная Агафием, скорее показатель политических настроений автора, чем действительного положения вещей у франков. Историк хочет определить, чего недостает в общественной жизни Византии и чему византийцы могут поучиться у варваров.

Агафий призывает византийское правительство поддерживать дружеские, добрососедские отношения с другими народами и осуждает ошибки правителей в политике по отношению к соседям империи и ее вассалам, в частности по отношению к лазам. «Когда нависла столь тяжелая война, благоразумным людям свойственно привлекать к себе гуманностью чужестранные и еще не знакомые народы. Эти же (византийские правители Лазики. — З. У.) приложили все усилия к тому, чтобы вооружить против римлян даже те народы, которые уже давно связаны с ними самыми тесными узами» ¹²⁰.

Таким образом, религиозная толерантность соединяется у Агафия с известной терпимостью и к варварским народам, окружавшим Византию.

Заканчивая рассмотрение труда Агафия, мы можем прийти к заключению, что по своим социально-политическим взглядам Агафий был более умеренным консерватором, чем Прокопий, он хотя и был приверженцем античности, но допускал и новшества; он был более сдержан в критике существующего строя и скорее порицал дурных правителей вообще, чем правление Юстиниана в частности, отражая в этом отношении политические симпатии и антипатии образованных кругов — интеллигенции Византии. В мировоззрении Агафия сочетались черты античного восприятия мира, греко-римской философии с христианской идеологией. Однако широкая веротерпимость, отсутствие христианского благочестия и христианской концепции исторического процесса, а также интереса к догматическим и церковным сюжетам резко отличают Агафия от церковных писателей его времени. По своей философии истории, по методу и характеру исторического повествования, по общему стилю и насыщенности античными реминисценциями историческое сочинение Агафия еще близко стоит к античным авторам и является как бы знаменем переходной эпохи, в которую жил его автор.

¹¹⁸ A g a t h., Hist., I, 2.

¹¹⁹ Ibid., I, 2—3.

¹²⁰ Ibid., IV, 6.